

М. В. Крюков

К МЕТОДИКЕ СБОРА ПОЛЕВОГО МАТЕРИАЛА ПО СИСТЕМАМ РОДСТВА

I. Исследование систем родства давно уже стало традиционной отраслью этнографической науки. В наши дни трудно, пожалуй, найти монографическое описание того или иного народа, где не было бы специального раздела или хотя бы параграфа, посвященного характеристике терминов родства. Советскими этнографами создано немало ценных теоретических исследований по ряду кардинальных проблем изучения терминологии родства¹. Вместе с тем вопросам методики сбора материала по системам родства в условиях полевой этнографической работы у нас не уделяется должного внимания. Показательно, что в недавно вышедшей «Методике этнографических экспедиций» Г. Громова (М., 1966) вообще отсутствуют какие-либо указания по методике сбора данных о системах родства: автор ограничивается весьма краткими рекомендациями, касающимися лишь одного практического вопроса — кодирования значений терминов. Единственным методическим руководством для этнографа, изучающего терминологию родства, продолжает оставаться программа, составленная И. Н. Винниковым более 30 лет назад².

В «Программе» указывается, что системы родства могут быть изучены тремя способами:

1) путем непосредственного наблюдения; 2) путем расспросов; 3) на основании литературных источников³. При этом «рекомендуется там, где это возможно, прибегать одновременно ко всем трем способам с тем, чтобы полученные разными способами материалы друг друга дополняли и одни другими проверялись»⁴.

Полностью поддерживая рекомендацию перекрестного использования различных методов и способов изучения систем родства, замечу, что извлечение соответствующих сведений из литературных источников, будучи необходимым подготовительным этапом полевой работы, само по себе не имеет прямого отношения к методике сбора материала в полевых условиях. Для того же чтобы оценить достоинства и недостатки двух других способов изучения терминологии, наиболее надежным из которых И. П. Винников считает метод непосредственного наблюдения, необходимо сделать несколько предварительных замечаний общего характера.

Под системой родства обычно понимают совокупность терминов, служащих для обозначения различных отношений родства, социально функционирующих в том или ином обществе. Термин родства обозначает не лицо, а отношение ($\sim$) между двумя лицами: говорящим (Ego, или E) и именуемым, о котором идет речь или к которому обращаются посредством данного термина (alter, или A). С этой точки зрения, понятие «тер-

¹ Среди них следует прежде всего отметить работы Д. А. Ольдерогге, С. А. Токарева, Ю. М. Лихтенберг.

² «Программа для сбора материала по системам родства и свойства» (сост. И. Н. Винников), М.—Л., 1936.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Там же, стр. 19.

мин родства» (T) может быть выражен формулой $T = E \sim A$. В зависимости от того, какой компонент этой формулы берется в качестве исходной точки для фиксации терминологии родства изучаемого народа, различаются и методы сбора полевого материала.

Как известно, Л. Морган был первым ученым, не только обосновавшим значение систем родства как историко-этнографического источника, но и разработавшим конкретную методику собирательской работы в области терминологии родства. В 1859 г. Морган составил программу для записи терминов, содержащую 234 пункта. Одна из трех граф таблицы (отношение родства) была заполнена Морганом, две другие (туземный термин и перевод этого термина на английский язык) были оставлены пустыми и заполнялись исследователем в процессе работы. Иначе говоря, информатору предлагались вопросы типа: «Как ты называешь отца своего отца?», «Брата отца?», «Сына брата отца?» и т. д.

Чтобы не пропустить какой-либо термин, Морган включил в свой вопросник пункты, касающиеся даже родственников в пятой боковой линии. Но кажущаяся полнота программы как раз и составляет ее коренной недостаток. Исходным пунктом в процессе установления значений терминов здесь является заранее сформулированный набор родственных отношений ($\sim$). Между тем нельзя не признать тот несомненный факт, что эти отношения не представляют собой неизменные и универсальные категории. Поэтому в ходе работы по морганинской программе исследователь нередко побуждал информатора конструировать такие комбинации родственных отношений, которые не существовали для него в реальной действительности.

Аналогичную ошибку допускает и И. Н. Винников, во введении к своей «Программе» утверждающий, что «родство бывает двоякого рода: а) по крови и б) по браку», что «кровное родство в свою очередь бывает двоякого рода: а) по прямой линии и б) по боковым линиям» и т. д.⁵ Поставив своей задачей охарактеризовать наиболее общие особенности систем родства, автор, тем не менее, излагает черты, свойственные не всем системам, а только тем, которые существуют у развитых европейских народов. Общеизвестно, что, в частности, в терминологии большинства австралийских племен не различаются ни родство по крови и по браку, ни прямая и боковые линии кровного родства и т. д. Поэтому принципиально неверно такое описание системы родства того или иного народа, когда этнограф исходит не из категорий, присущих описываемой терминологии, а из особенностей иной системы, которая существует в его собственном языке.

Попытку преодолеть недостаток морганинского метода, в основу которого положен список отношений родства, представлял собой так называемый «генеалогический метод» сбора терминологии родства, разработанный в начале нашего века У. Риверсом⁶. Признавая порочность априорного формулирования набора родственных отношений, предъявляемого информатору, Риверс предложил отталкиваться не от отношения $\sim$, а от лица A . Это означало, что исследователь предварительно выявлял возможно более полно круг родственников информатора и помещал имена каждого из них на определенное место в генеалогическом древе, специально составлявшемся для каждого информатора в отдельности. После этого он последовательно задавал вопросы о каждом из родственников, в ответ на которые информатор сообщал соответствующие термины родства. Поскольку вопрос ставился не в форме «как вы называете сына брата отца (и т. п.)?», а в форме «кем вам приходится имярек?», то информатору, казалось бы, не навязывалась сконструированная заранее цепочка родственных отношений и он мог назвать лицо A тем тер-

⁵ «Программа» И. Н. Винникова, стр. 3.

⁶ W. H. R. Rivers, A genealogical method of collecting social and vital statistics, «Journal of the Royal Anthropological Institute», XXX, 1900, p. 71—72.

мином, которым он привык называть это лицо в обыденной повседневной жизни.

Именно этот метод рекомендован И. Н. Винниковым для сбора терминологии «путем расспросов» (второй способ его «Программы»). Изучающий систему родства берет сначала какую-либо семью и устанавливает, в каком родственном отношении каждый член данной семьи находится к каждому из остальных членов семьи, а затем путем расспросов определяет, каким термином эти лица обозначаются. Затем устанавливается, в каком родственном отношении находится каждый член данной семьи к каждому члену других семей, родственников с этой семьей, и какими терминами эти лица обозначаются и т. д.⁷ А. П. Дульзон, пользовавшийся в принципе тем же методом сбора материала по системе родства кетов, следующим образом модифицировал процедуру:

1) перед опросом прежде всего составлялась — по сведениям правления колхоза или сельсовета — перепись всего кетского населения, проживающего в данном месте;

2) в каждой семье записывалась подробная родословная ее членов, в которой указывалось имя, отчество и фамилия каждого лица, его возраст, национальность, откуда он родом, а также год смерти, если его не было уже в живых, и место жительства, если он обитал в другом месте;

3) подворный список сверялся с этими родословными и по ним составлялись формуляры для всех намеченных к опросу лиц. Номенклатура родства большей частью устанавливалась по таким заранее подготовленным формулярам. Это не только сберегало время, но и уменьшало количество ошибок⁸.

Генеалогический метод Риверса получил самое широкое распространение в практике полевой этнографической работы. Но он также не свободен от серьезных недостатков. Главный из них заключается в следующем. Информатор сообщает термин, которым он обозначает отношение родства с тем или иным заданным лицом, но это отнюдь не всегда значит, что сам информатор связывает *Е* и *А* посредством той же цепочки элементарных родственных отношений, какую приписывает этому термину задающий вопрос этнограф. Очень образно и наглядно этот недостаток риверсовского метода был показан М. Мид, работавшей в 1930-х годах среди папуасов арапеш. Например, на вопрос о том, как арапеш называет лицо *А*, которое, с точки зрения этнографа, является дочерью дочери брата отца отца, информатор отвечает: «Сестрой». Однако это вовсе не означает, что, формулируя свой ответ, арапеш проделывает в уме тот же длинный путь по генеалогическому древу, что и исследователь, — он называет *А* данным термином только потому, что брат этой женщины живет в его деревне и является поэтому «братом» информатору. Этот «брат» зовет *А* своей «сестрой», поэтому и информатор называет ее так же⁹.

Приведу другой пример. В системе родства мбау на Фиджи отражена дуально-брачная организация двух экзогамных групп, связанных между собой двусторонним кросс-кузенным браком (см. рис. 1). Вследствие этого отношения кровного родства и свойства в этой системе совпадают. На рисунке 4 обозначает группу лиц мужского пола в поколении отцов-матерей, принадлежащую к иной, чем *Его*, кровно-родственной «половине», а 3 — группу лиц женского пола того же поколения, но из «половины» *Его*. Поскольку лица группы 3 вступают в брак с лицами группы 4, а их сыновья (6) являются потенциальными мужьями женщин моего поколения и моей «половины», то группа 6 включает, если

⁷ «Программа» И. Н. Винникова, стр. 16—17.

⁸ А. П. Дульзон, Термины родства и свойства енисейских кетов, «Сов. этнография», 1959, № 6, стр. 87.

⁹ Н. А. Бутин, Проблема экзогамии, в кн.: «Родовое общество», «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XIV, М., 1951, стр. 20.

подходить к ней с генеалогической точки зрения, четыре категории родственников: сыновей сестер моего отца, сыновей братьев моей матери, мужей моих сестер и братьев моей жены¹⁰. В действительности же, говоря о родственниках группы б, мужчина мбау отнюдь не соединяет их с Его четырьмя различными способами: для него все эти родственники связаны с Его одним-единственным отношением — это родственники того же, что и он сам, пола из его поколения, но из группы его матери. «Короче говоря,— пишет по этому поводу А. Хокарт,— мы прежде всего стремимся определить ближайшего родственника и поэтому движемся вверх или вниз по генеалогическому дереву. Фиджийцы... не поступают таким образом, потому что в этом нет необходимости. Им нужна лишь такая информация, которая позволила бы им поместить каждого на должное место в должном поколении. Выяснение это идет следующим образом:

— Кем вы приходите друг другу?

— Мы одной стороны и одного поколения.

— Почему?

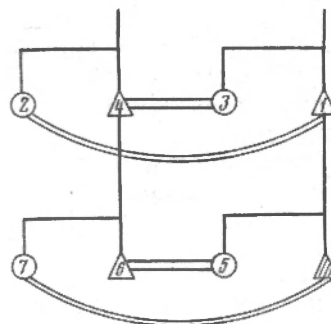
— Потому что наши отцы были одной стороны и одного поколения.

Или: Мы принадлежим к смежным поколениям и к противоположным сторонам, потому что он относится к стороне и поколению моей матери»¹¹. Сказанное достаточно убедительно показывает, что этнограф, собирающий терминологию родства с помощью генеалогического метода, подходит к ней с мерками своей собственной системы родства, а не стремится встать на точку зрения носителя изучаемой системы.

Отмечая этот недостаток генеалогического метода, Н. А. Бутинов еще в 1951 г. категорически утверждал, что «перед советскими этнографами стоит задача — решительно сломать эту вредную традицию, выработать новый метод записи систем родства, который фиксировал бы не только систему абстрактных родственных терминов, но и скрытую за ней структуру конкретных общественных отношений»¹².

Теоретическая возможность разработки такого метода сбора материала по системам родства заключается в том, что исходным пунктом процедуры установления значения терминов родства может быть не только заранее сформулированная исследователем связь ($\sim$) между E и A (как это имело место в моргановской программе) или лицо A , отношения которого с E устанавливаются исследователем с генеалогической точки зрения (метод Риверса), но и сам по себе термин T .

Фактически именно этот метод имел в виду И. Н. Винников, когда говорил о первом из трех рекомендованных им способов изучения систем родства: «Первый способ предполагает тесное общение с народностью, система родства которой изучается в течение довольно продолжительного времени и состоит в непосредственном наблюдении применения терминов родства на практике. Лицо, изучающее систему родства, слышит в обиходной речи какой-либо термин родства, тотчас его записывает в той грамматической форме, в которой термин был произнесен, и тут же на месте устанавливает родственное отношение, существующее (или существовавшее, если речь идет об умершем) между лицом, употребившим

$\triangle a \bigcirc b \triangle v - z = d$

Дуально-брачная организация двух экзогамных групп в системе родства мбау на Фиджи; a — мужчина, b — женщина, v — Его (мужчина), z — кровное родство, d — брачная связь

¹⁰ W. H. R. Rivers, The history of Melanesian society, Cambridge, 1914, p. 267.

¹¹ A. M. Hocart, Kinship systems, «Readings in anthropology», ed. by E. A. Hoebel, N. Y., 1955, p. 193.

¹² Н. А. Бутинов, Указ. раб., стр. 21.

термин, и тем лицом, к которому термин был обращен или о котором здесь говорилось»¹³.

Но такой способ установления значений терминов вполне применим не только при простом или включенном наблюдении, являющемся бесспорно наиболее надежным методом полевой этнографической работы, но и при интервьюировании. Если первый метод предполагает «пассивное» усвоение исследователем искомой информации и поэтому требует, как правило, длительного пребывания в среде изучаемого народа, то, применяя второй метод (интервьюирование), этнограф действует активно и более целеустремленно. Информатору предлагается назвать все известные ему термины родства, существующие в его языке, а когда список терминов составлен, информатор по просьбе исследователя объясняет значения каждого из терминов. При такой процедуре совершенно исключена возможность вольного или невольного навязывания информатору каких-либо категорий, не свойственных изучаемой системе родства: ему предоставляется возможность выразить значение каждого термина в той форме, какую он считает наиболее естественной и привычной.

Такая характеристика системы родства «изнутри» позволит исследователю выявить те ее черты, которые совершенно ускользают от этнографа, пользующегося генеалогическим методом Риверса. Например, М. Сварц обратил внимание на то, что в системе родства на о-ве Трук (Каролинские о-ва) применение некоторых терминов обусловлено не только генеалогическим родством, но и «ситуацией» (в частности, фактом совместного владения землей)¹⁴. Вполне возможно, что для каких-то иных систем окажутся существенными другие, до сих пор недостаточно или совершенно неизученные факторы. Но если только эти факторы имеют реальную значимость, информатор, разъясняющий исследователю значение термина родства, имеет возможность указать на них. Так, фиджиец определит многие термины своей системы не привычной для европейца цепочкой элементарных отношений родства, а комбинацией двух факторов — поколения и принадлежности к одной из двух «половин» дуальнобрачной организации и т. д. Задача исследователя в этом случае — тщательно зафиксировать набор тех факторов, с помощью которых сам носитель языка выражает разницу в значениях терминов родства.

Возможно, однако, что во многих случаях информатор будет определять значение термина генеалогическим способом, поясняя, например, что такой-то термин служит для обозначения «сына брата матери» и т. д. и т. п. Это значит, что в данной системе термины уже утратили свое первоначальное классификационное значение и отношение между А и Е воспринимается самим информатором как отношение между отдельными лицами, связанными индивидуальными узами родства. Но и в этом случае изучение правил построения тех цепочек элементарных родственных отношений, которыми оперирует сам информатор, может дать очень много полезного для понимания особенностей изучаемой системы.

Само собой разумеется, что применение этого метода при определенных условиях отнюдь не исключает использование других способов сбора информации по системам родства. Разработав свой метод, У. Риверс собрал с его помощью основную массу материала для таких капитальных исследований, каким является, например, «История меланезийского общества». Но в процессе сбора данных по меланезийским системам Риверс в ряде случаев прибегал и к традиционному моргановскому методу, т. е. выяснял, как меланезийцы обозначают те или иные отношения родства. Однако, подчеркивает Риверс, он поступал так лишь в случае крайней необходимости (например, когда он не располагал достаточным вре-

¹³ «Программа» И. Н. Винникова, стр. 16.

¹⁴ M. J. Swartz, Situational determinants of kinship terminology, «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 16, 1960, p. 394.

менем для составления генеалогических схем) и при том непременном условии, что ему уже были известны наиболее существенные черты изучаемой системы¹⁵. Точно так же, если исследователь, применяя описанный выше метод, убеждается, что значения терминов родства информатор разъясняет с генеалогической точки зрения, не прибегая к использованию иных характеристик, то для уточнения или проверки полученных данных исследователь может частично использовать риверсовский или моргановский методы. Но это допустимо лишь в том случае, если изучаемому уже ясны основные черты системы, выявленные «изнутри». Необходимо подчеркнуть, что успешное применение этого метода предполагает знание исследователем соответствующего языка и проведение на этом языке всех бесед с информаторами.

II. В связи с этим возникает вопрос о способе фиксации выявленных значений терминов. Для объективной записи этих значений нельзя пользоваться терминами родства, существующими в языке исследователя. У. Риверс совершенно справедливо писал в 1914 г., что «английские термины родства не имеют точных эквивалентов в языках тех народов, которые пользуются классификационной системой, точно так же как полинезийские и меланезийские термины не имеют эквивалентов в нашем языке... Единственно удовлетворительным методом было бы использование символов для различных отношений родства; возможно, придет время, когда это будет достигнуто и многое в описании социальных систем остальных племен будет напоминать математический трактат, где выводы выражаются символами, а в некоторых случаях — и уравнениями»¹⁶. Одним из первых опытов создания условного кода для записи значений терминов родства была система, разработанная в 20-х годах С. А. Токаревым¹⁷.

С. А. Токарев справедливо отмечал, что нередко исследователь подсознательно сводит описание изучаемой системы к переводу терминов с соответствующего языка на свой язык. Но поступая таким образом, этнограф пользуется не системой логически соотнесенных научных понятий, а существующими в его родном языке терминами родства, которые сами по себе нуждаются в объективном описании. В частности, совершенно неправильно утверждение, что «у ирокезов человек называет брата своего отца отцом»¹⁸. Ошибочно оно потому, что соответствующий ирокезский термин обозначает отца, его братьев (родных и коллатеральных), мужей сестер матери и т. д., т. е. по своему содержанию отнюдь не совпадает с русским термином «отец»¹⁹.

В основе системы кодирования значений терминов родства, с помощью которой С. А. Токарев предполагал преодолеть субъективизм исследователя, лежало предположение о том, что «все бесконечно разнообразные отношения родства, из которых лишь ничтожно малая часть имеет обозначения в человеческих языках, могут быть сведены к простейшим отношениям»²⁰. Последние вытекают из двух форм биологической связи — брака и рождения и включают шесть типов: отец, мать, сын, дочь, муж, жена. Задача сводится фактически к тому, чтобы выразить эти простейшие родственные отношения, а через них и все остальные, при помощи условных знаков. По мнению С. А. Токарева, в качестве таковых удобнее всего арабские цифры: отец — 1, мать — 2, сын — 3,

¹⁵ W. H. R. Rivers, The history of Melanesian society, p. 265.

¹⁶ Там же, стр. 10.

¹⁷ См. об этом: С. А. Токарев, К вопросу о методике изучения терминологии родства, «Вестник МГУ, Историко-филологическая серия», 1958, № 4, стр. 189.

¹⁸ Л.-Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 221.

¹⁹ Аналогичная неточность встречается и во многих современных работах (см.: Ч. М. Таксами, Нивхи, Л., 1967, стр. 205; Н. А. Бутинцов, Папуасы Новой Гвинеи, М., 1968, стр. 211 и др.).

²⁰ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 189.

дочь — 4, муж — 5, жена — 6. Все остальные отношения родства могут быть сведены к этим основным и через них выражены. Например, отец отца обозначается 11, мать матери — 22 и т. д. Хотя отношения братьев-сестер являются не простыми, а производными, С. А. Токарев предлагает в целях упрощения системы ввести самостоятельные символы для брата (7) и сестры (8). Далее, если термин родства зависит от пола говорящего, перед соответствующим индексом ставятся условные буквы *m* (говорит мужчина) или *f* (говорит женщина).

Иные системы кодирования терминов с помощью цифровых или буквенных индексов предложили впоследствии А. Рэдклифф-Браун²¹ и Дж. Мёрдок²². Новый, более совершенный и удобный вариант такого кода был недавно разработан Ю. И. Левиным²³.

В основу этого кода положены три основных элементарных отношения родства — дитя (Д), родитель (Р), супруг (С). В том случае, если необходимо различать пол именуемого лица, соответствующий индекс снабжается символами «м» и «ж»; например, Рм — отец, СжДм — жена сына и т. д. Если же необходимо указать пол Его, к индексу добавляются условные обозначения «Ем» (Его — мужчина) и «Еж» (Его — женщина). В отличие от кода Токарева цепочки символов читаются от именуемого к говорящему (ср. обозначения, например, для сестры отца: 18 — у Токарева и ДжРРм — у Левина).

Четкая и однозначная запись отношений родства и свойства облегчает выявление структурообразующих принципов, лежащих в основе той или иной системы родства, что само по себе очень важно для сопоставления различных систем родства. Код Левина представляется более совершенным и удобным, чем предлагавшиеся ранее способы записи значений терминов. Он получил уже практическое применение в работах советских исследователей²⁴.

III. Наконец, нельзя не коснуться еще одного существенного вопроса, с которым сталкивается практически каждый исследователь систем родства, работающий в полевых условиях.

Давно уже было замечено, что у одного и того же народа, как правило, существует не одна, а минимум две различные по своему характеру системы родства, функционирующие в различных ситуативных контекстах. Так, изучая социальную организацию меланезийцев, У. Риверс обратил внимание на то, что термины, с помощью которых они обращаются к родственникам, отличаются от обозначений тех же родственников в разговоре с третьим лицом²⁵. Основываясь на этих наблюдениях, Р. Лоуи ввел в этнографический обиход противопоставление двух категорий терминов родства: «термины обращения» и «термины обозначения»²⁶. Л. Морган, как известно, не проводил в своих трудах такого различия. В его таблицах анализируются преимущественно «термины обозначения», однако он упоминает и о том, что родственники у ирокезов не называют друг друга по имени, а пользуются при обращении терминами родства²⁷. Что же касается оппонента Моргана, Дж. Мак-Леннана, то последний признавал в терминах родства лишь систему взаимных обращений²⁸.

²¹ A. Radcliff-Brown, A system of notation for relationship, «Man», XXX, 1930, p. 93.

²² G. P. Murdock, Social structure, N. Y., 1949.

²³ Ю. И. Левин, Об описании системы терминов родства, «Сов. этнография», 1970, № 4.

²⁴ Е. С. Семёка, Компонентный анализ системы родства общества с кросс-кузенными браками, «V Всесоюзный симпозиум по кибернетике», Тбилиси, 1970, стр. 368—370.

²⁵ W. H. R. Rivers, The history of Melanesian society, стр. 265.

²⁶ R. Lowie, Relationship terms, «Encyclopaedia Britannica», 14th ed., vol. 19, p. 84.

²⁷ Л.-Г. Морган, Указ. раб., стр. 132.

²⁸ J. McLennan, Studies in ancient history, London, 1886, p. 273.

Следует отметить, что различия между двумя категориями терминов, введенными Лоуи, должны быть сформулированы несколько иначе. Как выясняется, «термины обращения» употребляются нередко не только при непосредственном обращении к родственнику, но и при обозначении его в разговоре с другим родственником; «термины обозначения» используются для обозначения родственников в разговоре с посторонними лицами. Таким образом, набор контекстов, в которых употребляются различные подсистемы терминов, существующие в рамках одной и той же системы родства, достаточно сложен. Недавно это вновь было подчеркнуто Д. Шнейдером, выступившим на VIII МКАЭН с докладом «Что следует включать в список терминов родства?». По крайней мере применительно к современной терминологии американцев, утверждает автор, нельзя говорить о существовании единой подсистемы «терминов обозначения». В различных конкретных ситуациях, в зависимости от того, кем является мой собеседник, я могу назвать своего родственника различными терминами²⁹.

Большой интерес в этой связи представляет опубликованное около 30 лет назад исследование Фэй Сяо-гуна, изучавшего ситуативные контексты употребления терминов родства на примере китайской системы. Его основные выводы сводятся к следующему.

То, каким термином родства говорящий (Ego) обозначает именуемого (alter) в разговоре с собеседником, зависит от характера отношений, связывающих эти три лица. Здесь возможны следующие случаи:

1) говорящий может обозначить именуемого тем же термином, который он применяет при прямом обращении (если говорящий, именуемый и собеседник принадлежат к одной и той же семье, причем примерно одного и того же возраста);

2) говорящий может обозначить именуемого термином, который использует собеседник при прямом обращении к именуемому (если все три лица принадлежат к одной семье, но говорящий старше, чем именуемый и собеседник);

3) говорящий может назвать именуемого «термином обращения» (если говорящий и собеседник не связаны родственными отношениями)³⁰.

Это значит, что исследователь не может включать в один список терминов как те наименования, которые он слышит в обиходной речи своих информаторов, так и те, которые выявляются им в процессе интервьюирования. Поскольку исследователь чаще всего не является родственником информатора, в результате целенаправленного опроса он получает список «терминов обозначения». Смешение в одном списке терминов различных подсистем недопустимо, так как это привело бы к искажению общей картины функционирования терминов родства у изучаемого народа.

Вопрос о причинах возникновения различий в принципах группировки родственников, обозначаемых «терминами обращения», с одной стороны, и «терминами обозначения» — с другой, исследован еще недостаточно. Б. Агинский в свое время высказал предположение, что одним из факторов, послуживших толчком к разделению этих подсистем, могло быть противоречие между биологической и социальной обусловленностью терминологии родства. Рассматривая проблемы, связанные с интерпретацией системы родства, этот автор оперирует исключительно «терминами обращения». Он полагает, что «термины обращения» в большей степени соответствуют реальности социальной организации и поэто-

²⁹ D. Schneider, What should be included in a vocabulary of kinship terms, «Proceedings, VIII ICAES, 1968, Tokyo — Kyoto», vol. II, p. 89.

³⁰ H. T. Fei, Peasant life in China, 1946, p. 288.

му в большей степени определяют нормы поведения между родственниками, чем «термины обозначения»³¹.

Но большинство современных исследователей стоит на противоположной точке зрения. Здесь важно отметить, что в процессе исторических изменений одной и той же системы прогрессивные изменения захватывают в первую очередь подсистему «терминов обращения». Именно эти термины оказываются в большей степени подверженными инновациям. Соответственно подсистема «терминов обозначения» более консервативна и поэтому содержит большее количество пережиточных черт, на основании которых можно судить о предшествующем этапе ее эволюции. С этой точки зрения «термины обозначения» представляются более полезными для исторического исследования, целью которого является изучение закономерностей развития социальной структуры.

Результаты работы по сбору данных о системе родства обобщаются в виде таблиц. Л. Морган пользовался в свое время таблицами, состоящими из трех граф: в первой из них перечислялись отношения родства, во второй — соответствующие термины, в третьей давался перевод этих терминов на английский язык. Наличие этой последней графы не только не дает ничего нового для понимания структуры данной системы родства, но и способно ввести в заблуждение тех, кто будет пользоваться таблицей. Поэтому для обобщения терминологии, собранной методом, при котором исходным пунктом является сам термин, достаточно таблицы с двумя графами: в первой из них приводится список терминов данной подсистемы («термины обращения» или «термины обозначения»), а во второй даны значения каждого из терминов, записанные с помощью буквенного кода.

Совершенствование методики полевого сбора и фиксации материала — необходимое условие для успешного решения одной из важных задач, стоящих перед советскими этнографами, — составления общего свода систем родства народов СССР.

ON METHODS OF COLLECTING DATA ON KINSHIP SYSTEMS

The traditional methods of field work in studying kinship systems are examined in the article (Morgan's method based upon a preliminary list of kinship relationships and Rivers' «genealogical» method). Grave shortcomings are noted for both methods. The author proposes to introduce into practice a new method of collecting data on kinship terminology. This method permits, in his opinion, a more objective understanding of the peculiarities of each system. It is stressed that under certain circumstances a combined use of all three methods may show the best results. Modes of recording the meaning of each term are also discussed in the article as well as the importance of strictly distinguishing the various subsystems that exist within the framework of a kinship system.

³¹ B. A g i n s k y, Kinship systems and the forms of marriage, «Memoirs of the American anthropological association», 1935, № 45, p. 95.